

Р 40
423

Р 76
423

О ПРЕПОДАВАНИИ

ЗАКОНА БОЖІЯ.

Протоіеря **К. Вѣлявскаго.**

*Изданіе Барона **Ө. Р. Остенъ-Сакена.***

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія **В. Ө. Киршбаума**, Двордовая пл., д. М-ва Финансовъ.
1909.

О ПРЕПОДАВАНИИ
ЗАКОНА БОЖІЯ.

Протоіерея К. Бѣлявскаго.

Издание Барона О. Р. Остенъ-Сакена.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія В. О. Киршбаума, Дворцовая пл., д. М-ва Финансовъ.

1909.

Напечатанное въ газетахъ воззваніе всероссійскаго съѣзда законоучителей, бывшаго въ С.-Петербургѣ въ минувшемъ Іюлѣ мѣсяцѣ, побуждаетъ насъ пойти на встрѣчу заявленнымъ въ этомъ воззваніи пожеланіямъ и издать вновь Записку о. протоіерея К. В. Бѣлявскаго о преподаваніи Закона Божія, составленную имъ въ 1884 году, но до сихъ поръ не получившую надлежащаго распространенія.

Первоначально о. протоіерей Бѣлявскій внесъ эту Записку на обсужденіе отцовъ законоучителей Патріотическаго Общества на происходившихъ въ то время засѣданіяхъ по пересмотру программы преподаванія Закона Божія въ школахъ этого Общества, и хотя въ совѣщаніяхъ этихъ принимали участіе такіе дѣятели, какъ о. протоіерей И. Н. Полисадовъ и о. протоіерей Д. П. Соколовъ, однако на Записку о. Бѣлявскаго тогда не было обращено должнаго вниманія.

Издатель Журналовъ Совѣщательнаго Комитета при Женскомъ Патріотическомъ Обществѣ, сознавая важное значеніе этой Записки, счелъ необходимымъ, хотя въ этомъ изданіи, сохранить ее для исторіи нашего законоучительства. Но прежде ея напечатанія, онъ представилъ ее на заключеніе тогдашнему Оберъ-Прокурору Св. Синода К. П. Побѣдоносцеву.

Вотъ одобрителный отзывъ Константина Петровича:

«Записка прекрасно написана и весьма мнѣ нравится. Вы прекрасно сдѣлаете, напечатать ее. Взглядъ о Бгльавскаго на преподаваніе Закона Божія вполне открытъ, хотя я сомнѣваюсь, чтобы на практикѣ возможно было всѣхъ преподавателей оставить безъ учебниковъ...»

Записка столь серьезна, что если вы ее не напечатаете,—я ее не оставлю“.

Поддержанный отзывомъ такого авторитета въ дѣлахъ духовныхъ, издатель напечаталъ въ 1887 г. эту Записку, въ видѣ приложения къ Журналамъ Совѣщательнаго Комитета, а теперь, въ отвѣтъ на запросы времени, публикуетъ ее, съ согласія высокочтимого автора, отдѣльнымъ изданіемъ, въ надеждѣ, что она принесетъ свою пользу въ разрѣшеніи столь важнаго вопроса, какъ преподаваніе Закона Божія въ нашихъ учебныхъ заведеніяхъ.

Θ. Остенъ - Сакенъ.

1 Октября 1909 г.

Записка

о преподаваніи Закона Божія въ школахъ Патриотическаго Общества.

Идѣже Духъ Господень, ту свобода
(2 Кор. 3, 17).

На состоявшемся 28 Октября прошлаго 1888 года засѣданіи законоучителей Патриотическихъ школъ, между прочимъ, рѣшено было: дать законоучителямъ такую программу, въ которой бы только указывались или кратко перечислялись *тѣ статьи, которыя должны быть пройдены, но не обозначалось* (какъ это проектировалось прежде) *ни объема, ни способа прозожденія этихъ статей.*

Главнымъ основаніемъ для такого рѣшенія послужило желаніе предоставить законоучителямъ болѣе свободы въ *примѣненіи къ силамъ ученицъ и въ приспособленіи къ обстоятельствамъ*, которыя всегда могутъ измѣнить какъ объемъ, такъ и способъ преподаванія. Одинъ составъ класса бываетъ сильнѣе, другой слабѣе, одинъ внимательнѣе, другой разсѣяннѣе; въ одно время надо объ одномъ болѣе сказать, въ другое о другомъ и проч. Да и въ одномъ и томъ же классѣ и въ одно и то же время съ одной ученицей нужно бываетъ болѣе заняться, съ другой менѣе, отъ одной одного больше потребовать, отъ другой другого, на иную вообще болѣе возложить труда, на другую менѣе и проч. Какая же тутъ возможна подробная программа и какой можно предписать точно опредѣленный методъ или способъ преподаванія?

Но разъ такая уступка педагогическимъ требованіямъ признана справедливою, мнѣ кажется, ограничиться мнѣ

мумом программы для законоучителей еще недостаточно; необходимо подобный же минимумъ дать и въ самыхъ руководствахъ для учащихся. Иначе свобода законоучителей поведетъ не къ облегченію, а еще къ большому стѣсненію и ограниченію какъ самихъ законоучителей, такъ и ученицъ. Законоучители будутъ связаны существующими учебниками еще болѣе, чѣмъ самыми подробными, до іоты опредѣленными программами, а ученицы, сверхъ учебниковъ, будутъ стѣснены еще и мнимо-свободными объясненіями и дополненіями законоучителей, — объясненіями и дополненіями, которыхъ, однако, какъ необязательныхъ, онѣ не захотятъ или не въ состояніи будутъ ни понять, ни повторить, какъ слѣдуетъ.

Какъ же тутъ быть? Какой минимумъ знанія и въ какой формѣ предложить ученицамъ, чтобы и законоучителей не стѣснить, и въ самихъ ученицахъ возбудить болѣе охоты и сознанія необходимости слѣдить за объясненіями законоучителей?

Какъ быть?—Да замѣнить, по возможности, всѣ учебники тѣми книгами, на основаніи которыхъ они составлены и изъ которыхъ кратко или пространно извлечены. Кстати же нѣкоторыя изъ этихъ книгъ и по объему не больше учебниковъ, а по содержанию несравненно шире ихъ, и по изложенію, при извѣстныхъ сокращеніяхъ и устныхъ дополненіяхъ, несомнѣнно удовлетворительнѣе, наконецъ, по цѣнѣ нѣрѣдко доступнѣе самыхъ дешевыхъ учебниковъ.

Такъ, въ *первомъ* классѣ, гдѣ по программѣ положено изучать молитвы и главнѣйшіе изъ разсказовъ Ветхаго и Новаго Завета, мнѣ кажется, очень легко было бы всѣ учебники, по этому предмету замѣнить простыми „Молитвословомъ“¹⁾ и простыми разсказами законоучителя о важнѣйшихъ священныхъ событіяхъ, съ повтореніемъ оныхъ

¹⁾ Изд. 1882 г. съ приложеніями, необходимыми при случайномъ пѣніи ученицами молебновъ, панихидъ и проч., также при говѣніи (причастіи молитвы), при справкахъ о разныхъ праздникахъ (мѣсяцесловъ и проч.

ученицами не по книгѣ, а со словъ законоучителя. Совершенно достаточно, если дѣти дома будутъ заучивать и чаще повторять одинъ текстъ тѣхъ или другихъ молитвъ, безъ всякихъ, нѣрѣдко только сбивающихъ и затрудняющихъ ихъ, дополненій и объясненій. Эти послѣднія, насколько они необходимы, должно запоминать имъ въ классѣ и отвѣчать не на ряду и не въ тонъ (какъ обыкновенно, при учебникахъ, бываетъ) самыхъ молитвъ, а отдѣльно и вполнѣ „своими словами“. Даже если молитва и безъ особыхъ объясненій прочитана довольно сознательно и съ нѣкоторымъ чувствомъ, нѣтъ нужды ее очень анализировать: излишній анализъ убиваетъ чувство, да и разумнѣя въ такомъ дѣлѣ, какъ молитва, едва ли много прибавляетъ. Самые переводы молитвъ, по моему, лишній трудъ для законоучителей и ученицъ: довольно для послѣднихъ пониманія общаго смысла молитвъ и классаго разъясненія нѣкоторыхъ наиболѣе важныхъ и непонятныхъ словъ молитвы. Лучше нѣсколько лишнихъ молитвъ и даже, какъ въ старину бывало, цѣлыхъ псалмовъ, заключающихся въ молитвословѣ, выучить, чѣмъ цѣлые часы убивать на этимологическія, синтактичскія, логическія, а иногда даже и физиологическія¹⁾ тонкости той или другой молитвы. Это не урокъ славяно-русскаго, а тѣмъ менѣе иностраннаго какого-нибудь языка. Да и преподаватели языковъ нынче уже покидаютъ эту отжившую свой вѣкъ методу, стараясь упражнять учениковъ больше въ чтеніи, чѣмъ въ грамматическомъ и стилистическомъ разборѣ писателей. Объяснительныя и дополнительныя руководства пусть служатъ пособіемъ для учителей и особенно (какъ въ младшемъ классѣ) для учительницъ Закона Божія, но отнюдь не для ученицъ, обязанныхъ изучать только текстъ молитвъ, а объясненіе текста запоминать лишь по

¹⁾ Къ таковымъ, между прочимъ, относятся объясненія словъ: „*Плодъ чрева Твоего, безъ истлѣнія*“ и проч. Зачѣмъ, какъ въ нѣкоторыхъ руководствахъ дѣлается, и разъяснять эти слова, когда разъясненія эти дѣлу молитвы не помогаютъ, а чувство и даже мысль дѣвницъ нѣрѣдко значительно смущаютъ?

возможности изъ классныхъ уроковъ законоучителя. Что касается разсказовъ изъ Ветхаго и Новаго Завѣта, то, какъ я сказалъ уже, они въ 1-мъ классѣ и должны оставаться только „разсказами“ и повтореніемъ разсказаннаго со словъ законоучителя, тѣмъ болѣе, что многія изъ дѣтей въ этомъ классѣ еще читать хорошенько не умѣютъ, а въ слѣдующемъ классѣ по необходимости будутъ все изучать по книгѣ: переучивать же разъ заученное въ иной формѣ и объемѣ нерѣдко гораздо труднѣе, чѣмъ вновь учить то же самое.

Для *второго* же класса *минимумъ* требованій отъ ученицъ, по моему, должны представлять священныя повѣствованія, по возможности, въ томъ самомъ видѣ, какъ они изложены въ Библии, опять безъ всякихъ обязательныхъ дополненій и объясненій, которыя должно было бы дѣтямъ заучивать по книгѣ и запоминать наравнѣ съ библейскимъ сказаніемъ. Преданія пусть и остаются изуственнымъ „передаваніемъ“ тѣхъ или другихъ сказаній отъ учителя ученицамъ и таковымъ же повтореніемъ ихъ ученицами; а историческія, географическія и прикладныя объясненія учителя тѣмъ болѣе должны отойти на второй и даже на третій планъ. Ничего, что нѣкоторыя изъ священныхъ сказаній придется, по неволѣ, пройти нѣсколько кратче или подробнѣе, чѣмъ это системой и соразмѣрностью частей требуется (напр. исторію Іосифа, исторію Рождества Богородицы, Ея Введенія во Храмъ и Благовѣщенія и проч.); въ Библии своя система, которой и слѣдуетъ по возможности держаться. А что это отчасти возможно, это опять доказываетъ старый, да и теперь въ нѣкоторыхъ почтенныхъ семействахъ и даже маленькихъ школахъ практикуемый, способъ изучать св. исторію Ветхаго Завѣта по „Избраннымъ чтеніямъ изъ Ветхаго Завѣта“, а исторію Новаго Завѣта—по одному изъ четырехъ, съ дополненіями изъ другихъ Евангелистовъ. Этими двумя руководствами весьма легко было бы и нынѣ, особенно въ нашихъ школахъ, замѣнить всѣ остальные по исторіи Ветхаго и Новаго Завѣта учебники. Кстати же послѣднее, т. е. Евангеліе, теперь такъ распространено, что

его всегда и вездѣ, въ школѣ и дома, можно достать, и слѣдовательно всегда и всюду можно, сколько угодно, изучать и повторять. Да не только можно, но и должно, и весьма желательно, чтобы эта святая книга и изъ школы въ жизнь, и изъ жизни въ школу постоянно переходила, и взрослыхъ и дѣтей одинаково руководила! Какой бы прекрасный, нѣкогда существовавшій, но, подъ вліяніемъ системы „развитія“, порванный союзъ, съ одной стороны между школой и церковью, а съ другой—между школой и жизнью, образовался! Развитие осталось бы, но развитие полное, а не одностороннее,—жизненное, а не формальное,—существенное, а не смѣшанное и случайное. Программа лишь указывала бы чтѣ пройти, а уже дѣло законоучителя было бы указать, гдѣ это найти и какъ именно выучить или пройти: можно было бы, смотря по обстоятельствамъ, и по одному, и по другому, и по обоимъ вмѣстѣ Евангелистамъ, и при томъ вполнѣ или съ сокращеніями, по-русски или по-славянски, тотъ или другой разсказъ пройти; можно было бы и на не положенныхъ въ программѣ сказаніяхъ, и на рѣчахъ Спасителя, и на самой книгѣ Евангелія побольше остановиться. Тоже и по отношенію къ хорошо изданнымъ „Избраннымъ чтеніямъ изъ Ветхаго Завѣта“¹⁾. Во всякомъ случаѣ, здѣсь меньше для законоучителей вышло бы подчиненія „авторскому“ произволу и гораздо больше, какъ для учителей, такъ и для ученицъ, свободно-разумнаго служенія Слову. Учебники же и руководства опять, какъ и при изученіи молитвъ, пусть остались бы для законоучителей, но никакъ не обязательно для всѣхъ и каждой изъ ученицъ.

Остается *третій* классъ и въ немъ—Катихизисъ. Но Катихизисъ (разумію именно «Пространный Катихизисъ»

¹⁾ Правда, «Избранныхъ чтеній» теперь нѣтъ въ продажѣ, но ихъ, по свидѣтельству одного достопочтеннаго служащаго въ Синодѣ лица, скоро можно было бы снова издать и быстро распространить въ училищахъ. (Въ настоящее время, когда печатается эта «Записка», они уже изданы и продаются въ синодальныхъ лавкахъ).

Филарета) есть тоже церковная и, стало быть, основная, въ вѣроученіи и правоученіи, книга, а потому, конечно, онъ, наравнѣ съ Молитвословомъ и собственно Священными книгами, и незамѣнимъ въ школѣ. Только и въ немъ, собраніемъ законоучителей, въ объяснительной къ программѣ запискѣ, долженъ быть обозначенъ *minimum* требованій отъ ученицъ, — *minimum*, состоящій не только въ исключеніи нѣкоторыхъ текстовъ, но и цѣлыхъ вопросовъ и даже отдѣловъ этого руководства (напр.—введенія, цѣлой половины 9 члена, всего ученія о блаженствахъ и т. п.).

Такимъ образомъ, Молитвословъ, Чтенія изъ Ветхаго Завѣта, Евангеліе и Катихизисъ—вогъ вся, предполагаемая мною, учебная библіотека по Закону Божію въ Патриотическихъ школахъ! Они же и—христоматія, и существеннѣйшее дополненіе къ урокамъ. Ибо при ней можно и въ предѣлахъ программы проходить предметъ, и, если позволятъ обстоятельства, далеко выходить изъ этихъ предѣловъ. И все будетъ суть и только самая суть Закона Божія!

Необходимымъ считаю при этомъ сдѣлать еще слѣдующія три замѣчанія:

а) Такъ какъ Молитвословъ и Евангеліе должны быть и безъ школы настольными книгами у каждаго, а въ школѣ и при учебникахъ у нѣкоторыхъ законоучителей служатъ прямыми пособіями при изученіи молитвъ и евангельскихъ сказаній, то введеніе этихъ книгъ, вмѣсто учебниковъ, составитъ не расходъ, а экономію для хозяйства Патриотическихъ школъ.

б) Желательно было бы, чтобы эти двѣ книги были на рукахъ у ученицъ съ самаго вступленія ихъ въ школу до выхода изъ нея, чтобы онѣ начали осваиваться съ ними какъ можно ранѣе и не считали ихъ принадлежностію или предметомъ только того или другого класса, а требованіемъ всего курса Закона Божія, а за симъ курсомъ — и всей послѣдующей жизни.

в) Чтобы во второмъ классѣ, гдѣ, кромѣ Священной Исторіи, требуется изъясненіе Символа Вѣры, Молитвы Гос-

подней и Заповѣдей—«въ размѣрѣ Краткаго Катихизиса», — къ вышеозначеннымъ двумъ книгамъ, сверхъ «Избранныхъ чтеній изъ Ветхаго Завѣта», былъ прибавленъ въ двухклассныхъ школахъ — «Краткій», а въ трехклассныхъ, прямо «Пространный Катихизисъ», по которому слѣдовало бы, начиная со 2-го класса, изъяснять положенное по программѣ, дѣлая въ немъ соответствующія Краткому Катихизису упрощенія и сокращенія. Ибо Краткій Катихизисъ есть почти буквальное, съ извѣстными пропусками, повтореніе Пространнаго: зачѣмъ же, безъ нужды, размножать и безъ того пугающіе родителей и дѣтей учебники! А между тѣмъ, дѣти еще во второмъ классѣ нѣсколько знакомились бы съ самой формой и содержаниемъ того, что должны проходить въ 3-мъ классѣ.

Послѣднее (не въ счетъ) замѣчаніе: Ученіе о Богослуженіи—въ томъ видѣ, въ какомъ оно развилось въ послѣдніа 20 лѣтъ, я не признаю необходимымъ не только въ первоначальныхъ, но и вообще въ свѣтскихъ школахъ. Довольно для нихъ изустнаго поясненія церковныхъ обрядовъ, молитвословій и возгласовъ въ томъ порядкѣ и объемѣ, въ какомъ они изложены въ «Молитвословѣ», въ соответствующихъ программѣ частяхъ онаго: болѣе подробное изученіе этого дѣла должно быть предоставлено спеціально-богословскимъ, т. е. духовнымъ училищамъ.

Я кончилъ рѣчь о «свободѣ» преподаванія Закона Божія въ предѣлахъ выработанной законоучителями программы этого преподаванія. Но моя рѣчь была бы не полна, если бы я не сказалъ при этомъ нѣсколькихъ словъ по поводу другого основанія, которымъ 28-го прошлаго Октября мотивировалось ограниченіе программы однимъ указаніемъ на статьи, которыя должны быть пройдены въ школахъ. Это второе основаніе было—сохранить за Законоучителями *болѣе времени и простора для нравственнаго развитія ученицъ*. Что разныя, собственно учебныя подробности отнимаютъ у законоучителя много времени, объ этомъ не можетъ быть и рѣчи; но что онѣ отвлекаютъ законоучителя въ сторону

отъ Закона, какъ нравственнаго руководства учащихся, на это теперь мало обращаютъ вниманія. Толкуютъ себѣ: знаніе—сила, знаніе—и правило, и побужденіе къ его исполненію. А между тѣмъ, въ нравственно-религіозномъ отношеніи, это далеко не такъ. Здѣсь знаніе только начало, да и то не знаніе, а вѣра, приобретаемая отъ «слуха». Главное же—въ этой самой вѣрѣ, въ этомъ сочувствіи и благоговѣннѣ къ приобретенымъ отъ слуха или отъ книги. Гдѣ-жъ законоучителю взять времени и силъ для возбужденія и постояннаго возгрѣванія этого благоговѣннѣ, когда ему, дай Богъ, въ продолженіе урока быстро рассказать двѣ-три исторіи, да еще быстрѣе выслушать двухъ-трехъ ученицъ (чтобы выставить имъ баллы), какъ уже надо выходить изъ класса? Поэтому, другимъ (кромѣ отмѣны или лучше—замѣны учебниковъ) моимъ предложеніемъ было бы, во 1-хъ, *освободить законоучителей отъ обязательнаго (на баллы) репетированія ученицъ*, возложивъ это на одну изъ учительницъ, или ихъ помощницъ, и—во 2-хъ, *совсѣмъ устранить* изъ преподаванія Закона Божія—какъ классную, такъ и окончательную со стороны законоучителей *оцѣнку баллами успѣховъ ученицъ*, замѣнивъ оную словесною или иною какою аттестаціей ихъ вниманія и много-много прилежанія.

Частное, внѣклассное репетированіе вообще большое подспорье преподавателямъ, а въ данномъ случаѣ оно было бы половиной дѣла законоучителей. Послѣднимъ оставалось бы только провѣрить, по выставленнымъ балламъ, успѣхи ученицъ и все остальное время употребить на дополненіе, объясненіе и нравственное приложеніе прежняго или слѣдующаго урока. Внѣклассное же репетированіе, какъ я уже сказалъ, легко могло бы совершаться самими учительницами по вышеприведеннымъ руководствамъ: вѣдь преподаютъ же онѣ Законъ Божій въ младшемъ классѣ, почему же не могли бы онѣ (по книгѣ-то) репетировать дѣтей и въ слѣдующихъ 2-хъ классахъ? Небольшая приплата за труды, еслибы таковыя признаны были необязательными

для воспитательницъ, едва ли можетъ служить вѣскимъ возраженіемъ въ такомъ важномъ вопросѣ. А между тѣмъ, и знаніе или изученіе дѣла, при такомъ репетированіи, не уменьшилось бы, а его высшее, прикладное или нравственное значеніе еще увеличилось бы. Дѣти, подъ двойнымъ контролемъ—репетитора и законоучителя, вдвойнѣ усердно готовили бы свои уроки, но одного знанія своего урока еще не считали бы достаточнымъ для цѣли, потому что законоучитель, сверхъ знанія предмета, потребуетъ отъ нихъ чего-то гораздо важнѣйшаго, а именно: а) *благоговѣннаго отношенія къ предмету* (и въ тонѣ рѣчи, и въ сужденіи о дѣлѣ, и въ самомъ ихъ поведеніи), б) *полнаго вниманія къ его собственнымъ словамъ* и в) *возможнаго осуществленія уроковъ Закона Божія* въ классной и внѣклассной (насколько онъ можетъ слѣдить за ней) жизни дѣтей, и только эти послѣднія качества будутъ преимущественно цѣнить въ дѣтяхъ, только за нихъ, главнымъ образомъ, будутъ одобрять или не одобрять цѣлый классъ и каждую изъ ученицъ порознь. Нравственная сторона предмета выступитъ на первый, а учебно-образовательная отойдетъ на второй и даже на третій планъ.

Чтобы, однако, и въ этомъ дѣлѣ не дать ученицамъ впасть въ другую, еще худшую, чѣмъ простое учелье, крайность, а именно въ фарисейство или одно лицемѣрное выказываніе не существующаго добраго чувства, необходимо, какъ я сказалъ уже, или совсѣмъ устранить изъ уроковъ Закона Божія (кромѣ внѣкласснаго репетированія этихъ уроковъ) постановку дѣтямъ балловъ за успѣхи, или замѣнить эти баллы простыми знаками „+“ или „—“, которыми одинаково ¹⁾ можно отмѣчать и знаніе или пониманіе предмета, и нравственное отношеніе къ дѣлу, и притомъ совершенно свободно замѣнять знаніе отношеніемъ къ дѣлу и отдавать предпочтеніе, смотря по обстоятельствамъ, послѣднему предъ

¹⁾ И притомъ гораздо общѣе, а слѣдовательно справедливѣе и беззбыднѣе, чѣмъ градаціей цифръ.

первымъ, или первому предъ послѣднимъ. Напримѣръ, дѣвочка и хорошо стала рассказывать урокъ, да безпричинно, на самомъ важномъ мѣстѣ засмѣялась: ей „—“; стала рассказывать и нескладно (по силамъ), да со вниманіемъ и непритворнымъ благоговѣніемъ: ей „+“. Худо прочитала молитву: ей за весь урокъ „—“; хорошую, въ нравственномъ отношеніи, мысль высказала или какъ нибудь иначе доброе отношеніе къ предмету показала, съ чувствомъ прочитала Евангеліе, что-нибудь сверхъ-должное выучила или рассказала и проч.: ей тоже „+“, хотя бы она урока и не отвѣчала. Кстаті, знаніе дѣтми урока будетъ уже (при существованіи репетицій) находиться предъ глазами законоучителя: его (это знаніе) предварительно выставляютъ репетиторши въ классномъ журналѣ, такъ что законоучителю останется оцѣнить только: „на песокъ“ или „на твердомъ камнѣ“ утверждено это знаніе, и въ первомъ случаѣ укрѣпить, а во второмъ, если возможно, украсить и возвысить или расширить его, и только за *степень вниманія или невниманія* дѣтей къ его словамъ, за ясно выраженное сочувствіе или несочувствіе къ дѣлу и за очевидное *усердіе или несомнѣнную небрежность* къ изучаемому предмету выставлять свои „+“ и „—“, независимо отъ отмѣтокъ репетиторскихъ, иногда даже въ противоположность имъ, какъ основаннымъ на одномъ книжномъ знаніи или незнаніи назначеннаго урока.

Какое значеніе должны имѣть эти отмѣтки въ *обыденной и окончательной аттестаціи* ученицъ?—Въ обыденный счетъ должны идти только репетиціонныя баллы, но съ непремѣннымъ (условленнымъ заранѣе) повышеніемъ или пониженіемъ ихъ соотвѣтственно законоучительскимъ „+“ и „—“, а въ окончательной аттестаціи должны остаться только законоучительскіе „+“ и „—“, съ переводомъ ихъ на словесныя отмѣтки: при постоянныхъ „плюсахъ“—*„весьма удовлетворительно“* или *„весьма хорошо“*; при перемежающихся—*„удовлетворительно“* или просто *„хорошо“*; при большинствѣ „минусовъ“—*„неудовлетворительно“* или *„не хорошо“*. А еще лучше, въ окончательной аттестаціи, выдѣливъ Законъ Божій изъ

ряда другихъ предметовъ, рекомендовать бы дѣтей только такъ: *весьма внимательна, внимательна и невнимательна*. Это было бы и справедливымъ и соотвѣтственнымъ Закону Божію, какъ религиозно-воспитательному предмету. Баллами никогда нельзя съ точностью выразить ни истинной степени знанія, ни тѣмъ менѣе нравственнаго отношенія ученицъ къ предмету, — отношенія, которое должно быть главной заботой законоучителя и главной задачей ученицъ.

А какъ же, спросять, съ *экзаменами-то* быть?—Да экзаменовывать въ степени «вниманія» или «невниманія» къ Закону Божію и невозможно. Иная изъ самыхъ внимательныхъ ученицъ можетъ показаться на экзаменѣ невнимательной, а другая изъ самыхъ небрежныхъ можетъ представиться наиболѣе внимательной. Если же представлять, какъ это обыкновенно бываетъ, на судъ экзаменаторовъ собственно «знанія», то отнимется первенствующее значеніе у «вниманія» и нравственнаго отношенія къ предмету. Лучше, поэтому, или *совсѣмъ отмѣгнуть экзамены по Закону Божію*, или, если уже они необходимы по разнымъ соображеніямъ,—придать имъ характеръ старыхъ «публичныхъ экзаменовъ», на которыхъ, какъ бы въ награду за отличный трудъ и вниманіе, отвѣчали только избранные изъ учащихся и только выбранное и съ особеннымъ стараніемъ разученное изъ курса ¹⁾. Узнать и по такому экзамену (предполагая на немъ разные частныя вопросы и наблюденія) можно, какъ вообще ведется дѣло изученія Закона Божія, т. е. религиозно-воспитательно или нѣтъ; болѣе же ничего не подобаетъ и требовать въ Патріотическихъ школахъ, изъ которыхъ не поступаютъ дѣти, по конкурсу, въ другія, иначе поставленныя, заведенія, и въ которыхъ не дается, по степени успѣховъ, разныхъ, кромѣ специально-ремесленныхъ, правъ и преимуществъ ученицамъ.

¹⁾ Весьма важное въ нравственномъ отношеніи дѣло, что при этомъ могли бы удостоиться чести отвѣчать и не бойкія, но внимательныя и благонаправлѣнныя ученицы, потому что и онѣ могли бы хотя нѣкоторыя статьи приготовить и рассказать предъ «публикою» удовлетворительно.

Итакъ, *замѣна учебниковъ* основными и болѣе или менѣе источными въ дѣлѣ Вѣры книгами, *облегченіе законоучителей въ репетированіи* ученицъ и *измѣненіе балльной системы*— вотъ, по моему, требованія, необходимо вытекающія изъ постановленнаго 28-го Октября принципа «большей свободы законоучителей въ преподаваніи и болѣе удобнаго нравственно-религіознаго вліянія на учащихся». Безъ этого, во избѣжаніе всякихъ недоразумѣній, надо опять воротиться къ самой подробной программѣ, или къ точно опредѣленнымъ учебникамъ.

Конечно, при проектируемой постановкѣ дѣла, личность законоучителя приобретаетъ большее, чѣмъ теперь, значеніе, и отъ него потребуются болѣе живое и дѣятельное отношеніе къ своему предмету. *Но это не значитъ, чтобы для выполненія такой задачи потребовались и большія силы, т. е. лучшіе законоучители.* Напротивъ, тѣ же самые законоучители, при такой постановкѣ дѣла, сдѣлаются и въ преподаваніи гораздо живѣе (ибо не по учебнику, а совершенно самостоятельно будутъ распредѣлять, формировать и восполнять матеріалъ уроковъ), и въ обращеніи съ дѣтьми—внимательнѣй и усерднѣй (ибо не на ученье только, но и на душевныя расположенія будутъ обращать вниманіе), и въ глазахъ ученицъ, равно какъ и въ средѣ своихъ сослуживцевъ—почетнѣе и авторитетнѣе (ибо и сами будутъ шире и свободнѣе смотрѣть на свою задачу и взглядъ другихъ на себя и на свое дѣло нѣсколько расширять и возвышать, сравнительно съ существующими взглядами на нихъ, какъ на простыхъ преподавателей). Изъ ординарныхъ, подчиненныхъ всѣмъ условіямъ современной педагогики, учителей они сразу выдѣляются въ нѣчто особенное,—*въ учителей—религіозно-нравственныхъ воспитателей*,—чего и слѣдуетъ больше всего желать, чего и можно, въ особенности отъ петербургскихъ законоучителей, ожидать. Ибо если уже здѣсь, въ средоточіи силъ духовныхъ, не найти такихъ законоучителей, на которыхъ можно было бы вполне положиться, если уже здѣсь надо не только оплачивать, но по-

стоянно ихъ контролировать и руководить, то гдѣ же имъ и довѣриться? А не облеченный возможнымъ довѣріемъ—какой воспитатель можетъ дѣйствительно вліять на воспитанниковъ? За его словами всегда будутъ видѣть учебникъ, за его требованіями—контроль власть имѣющихъ, за его баллами—оправдательные документы для полученія жалованья и представленія отчетовъ, за самой вѣрой и убѣжденіями его—предстоящій ему, въ лицѣ учащихся у него, экзаменъ. Какое же тутъ можетъ быть «глубокое» нравственно-религіозное вліяніе на учениковъ? И что удивительнаго, что, при такомъ положеніи дѣла, въ самыхъ благоустроенныхъ училищахъ, съ самыми способными законоучителями, вліяніе послѣднихъ почти не выходитъ за предѣлы учебнаго заведенія или даже—за стѣны законоучительскаго класса!

«Гдѣ, говоритъ Апостоль, Духъ Господень, тамъ свобода». Гдѣ, скажемъ примѣнительно къ нашему предмету, хотя бы дать мѣсто духу, а не формѣ только Закона Божія, тамъ должны предоставить служителямъ духа возможную свободу, и прежде всего свободу отъ обще-принятыхъ, можетъ быть—и пригодныхъ для другихъ предметовъ, но рѣшительно неудобныхъ для Закона Божія, педагогическихъ формулъ и путей: Законъ Божій не формальная только, но и реальная, а вмѣстѣ съ тѣмъ и въ высшей степени идеальная, преимущественно сердцемъ постигаемая, наука, а потому общія педагогическія мѣры къ нему нерѣдко вовсе непримѣнимы. Скажу болѣе: къ нему, въ настоящемъ его положеніи, съ особеннымъ успѣхомъ могло бы быть приложено развѣ одно требованіе Божественнаго Педагога: «Пустите дѣтей приходите ко Мнѣ и не возбраняйте имъ». Пусть дѣти свободно обращаются къ законоучителю и пусть законоучитель, въ назначенный для него часъ также свободно и независимо ни отъ какихъ методикъ и дидактикъ, обращается къ дѣтямъ въ духѣ и силѣ слѣдующаго изреченія Премудраго: «Придите, чада, послушайте мене, страху Господню научу васъ»: и плода отъ такого наученія, я въ томъ увѣренъ, будетъ

И-ко-фор

вдвое болѣе, чѣмъ отъ выполненія всевозможныхъ программъ, по самымъ лучшимъ учебникамъ, съ самою совершенною системою балловъ и съ самыми блестящими отвѣтами на экзаменахъ, и Законъ Божій въ скоромъ времени явится не только учебнымъ, но и религіозно-воспитательнымъ предметомъ, и Законоучитель станетъ не только учителемъ, но и пастыремъ-руководителемъ дѣтей.

Могутъ, конечно, и при такой постановкѣ дѣла, оказаться своего рода (преимущественно, впрочемъ, формальныя) неудобства, но они самою же школою легко могутъ отчасти устраняться, а главное—въ самой же школѣ во сто кратъ вознаграждаться сравнительнымъ возвышеніемъ нравственно-религіознаго состоянія учащихся. Примѣръ — частное или домашнее, несомнѣнно самое успѣшное и благотворное законоучительство: отчего бы не испробовать чего-либо подобнаго и въ общественныхъ заведеніяхъ, особенно въ заведеніяхъ Патриотическаго Общества, гдѣ для этого нѣтъ надобности производить никакихъ особенныхъ ломокъ, измѣненій и приспособленій, нѣтъ нужды входить и въ далекія официальныя сношенія, а совершенно достаточно единодушнаго согласія небольшого кружка законоучителей и простого разрѣшенія или утверженія Главнаго Управленія Общества, на обязанности котораго, по Уставу, между прочимъ, лежитъ изысканіе «мѣръ къ усовершенствованію школъ» (§ 13, г) и «составленіе инструкцій», для школьныхъ дѣятелей (§ 55)? Утвержденная Совѣтомъ «инструкція» или даже простая «объяснительная къ преподаванію Закона Божія записка» могла бы сразу поставить это дѣло на твердую, желательную почву.

Прот. К. Вьяльскій.